



## ТАНУ-УРЯНХАЙСКИЙ КРАЙ В 1911–1912 ГГ. И РОЖДЕНИЕ ТРЕХСТОРОННЕГО СОПЕРНИЧЕСТВА

**В. А. Василенко**



**Аннотация:** Текст статьи представляет собой один из параграфов монографии автора ««На пути к протекторату (вторая половина XIX в. — 1914 г.)» (LAP Lambert Academic Publishing, 2013). В статье анализируются действия российского правительства, принимаемые в ходе решения «урянской проблемы» после 1911 г. — «переломного момента» в политической истории Тувы, Монголии и Китая.

**Ключевые слова:** источниковедение, Тува, Урянхайский край, территориальные споры, дипломатия, Халха, Монголия, Синьхайская революция.

Синьхайская революция, произошедшая в ноябре 1911 г., привела к свержению маньчжурской династии и ликвидации прежних принципов управления, в том числе, окраинной политики, проводимой Цинами. Это обстоятельство внесло существенные коррективы в политику российского руководства, направленную на решение вопроса о территориальной принадлежности Тувы.

Революция была обусловлена глубоким кризисом Цинской империи, который достиг апогея к 1911 г. и получил свое проявление во всех сферах китайского социума. Отчасти он был вызван засильем иностранного капитала. Так, к 1911 г. в Китае было основано 91 предприятие, в основном они относились к числу крупных. Продукция иностранных производителей освобождалась от внутренних пошлин (лицзия), что сделало ее стоимость намного ниже отечественных товаров. По этой и ряду других причин, политика Цинского правительства не удовлетворяла фактически все слои населения: крестьянство, чиновников, помещиков, шэньши (ученое сословие). В последние годы перед Синьхайской революцией наблюдался подъем стихийного народного движения в форме «рисовых» бунтов и антиналоговых выступлений. Наибольшего размаха они достигли в про-

---

**Василенко Виктория Александровна - кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета, ученый секретарь Иркутской ассоциации монголоведов.**



винциях Хунань (самый крупный рисовый бунт произошел в г. Чанша в 1910г.), Аньхой, Цзянсу, Цзянси (Белов, 2001: 3). В этих условиях, а также в результате роста активности либеральной оппозиции, Цины были вынуждены провести ряд реформ: реорганизацию армии, создание новых воинских частей и соединений по японскому и военному образцу, реформу в области образования (здесь имеется в виду отмена старой феодальной системы государственных экзаменов и учреждение министерства народного просвещения), изменение формы государственного устройства — переход к конституционной монархии и проч. Однако реформы, проводимые правительством Цыси, вели к углублению кризисного состояния страны. Противостояние либеральной оппозиции в лице торгово-промышленной буржуазии, помещиков, шэньши, под руководством Чжан Цзяня, Лян Цичао и проч. вело к ослаблению Цинской династии. Конституционное движение, центром которого стали провинциальные Совещательные комитеты, вело к сужению социальной базы монархии.

В мае 1911 г. Цинское правительство издало два указа, которые вызвали недовольство как среди широких слоев населения и либеральной оппозиции: 8 мая был опубликован указ о формировании императорского кабинета министров, в котором из 13 министров 9 были маньчжурами (5 из них — великими князьями). Девятого мая был издан указ о «национализации» железных дорог Китая, строящихся на частные средства (там же: 7–44). Последней мерой предполагалось нанести удар по буржуазии. В защиту железных дорог развернулось движение, в котором приняло участие население четырех провинций (Хубэй, Хунань, Гуандун, Сычуань). Оно явилось толчком, приведшим к восстанию в Учане 10 октября 1911 г. Восстание было подготовлено, главным образом, объединенными силами хубэйских революционных организаций Вэньсюньшэ и Гунцзинхой (там же: 55–64).

Учанское восстание явилось началом Синьхайской революции, результатом которой стало свержение Цинской династии и объявление Китая республикой. Во главе нового государства встал президент Юань Шикай. Он был приверженцем консервативных взглядов. Это позволило новому Китаю сохранить некоторую преемственность от прежней империи.

Синьхайская революция и последовавшее за ней объявление независимости Монголии привели к ликвидации правовой базы и физической возможности осуществления власти Китая над Тувой. С падением Цинской династии исчезли «юридические обязательства» местных нойонов

перед Пекином, так как они признавали власть маньчжурской династии, а не республиканский строй.

Свержение маньчжурской династии в Китае и объявление независимости Монголии явились определяющими моментами в политике центрального правительства и Иркутского генерал-губернаторства в отношении Тувы. В свою очередь, неотложность скорейшего решения «урянхайского вопроса» была продиктована увеличением потока русских переселенцев в Урянхайский край, который стимулировало проведение Столыпинской аграрной реформы и истощение земельного фонда Сибири (Бомбужай, 1998: 19).

Еще в начале 1911 г. Россия начинает предпринимать меры по решению означенного вопроса. Уполномоченный посланник в Пекине, Г. Гойер телеграфировал С. Д. Сазонову из Шанхая 18 февраля 1911 г.: «В виду запросов со стороны местных газет, не откажите сообщить, как согласовать ст. первую Чугучагского договора 1864 г с Буринским трактатом, и материалам, доставленными мне по Урянхайскому вопросу и была ли граница установлена согласно статье шестой договора» (Архив внешней политики Российской империи, далее — АВПРИ Ф. 137. Отчеты Министерства иностранных дел Российской империи, Оп. 475, Д. 143, ч. 1911, Л. 8).

Штаб Иркутского военного округа в мае 1911 г. начинает разработку плана военной операции, на случай если бы оказалось невозможным решить вопрос военным путем. Для составления подробного описания Урянхая был направлен начальник штаба VII Сибирской стрелковой дивизии полковник В. С. Попов. Одновременно по приказу командующего округом генерала от кавалерии Эверга началась подготовка иркутских и енисейских казачьих частей. Операция готовилась по трем направлениям: первое — Кобдо, Уланком, Кемчик; второе — Улясутай, долина Енисея, Усинское; третье — Улясутай, Косогол, Тунка (Романов, Ращупкин, 2003: 202). Согласно директиве Главного управления Генерального штаба от 30 июня 1911 г., в случае войны с Китаем и антирусских выступлений урянхов, иркутские и енисейские казачьи сотни должны быть развернуты в дивизионы трехсотенного состава и вместе с Минусинской уездной воинской командой и ополченческими отрядами немедленно занять Урянхайский край (Российский государственный военно-исторический архив, далее — РГВИА. Ф. Азиатская часть, Оп. 2, Д. 197, Л. 126–128). Однако революция в Китае устранили необходимость в военном захвате Тувы.

На события в крае оперативнее всего реагировало Усинское погра-



ничное управление. Так, пограничный начальник А. Х. Чакиров, подчеркивая важность интересов русских поселенцев в крае, считал необходимым воспользоваться сложившейся ситуацией для того, чтобы присоединить Урянхайский край к Российской империи. Он внес на рассмотрение генерал-губернатора два варианта действий: или предложить тувинскому населению немедленно объявить себя независимыми от Китая и после перейти в подданство Российского государства, или занять границу по южному склону хребта Тану-Ола и ввести свое самоуправление. Пограничный начальник отдавал предпочтение второму варианту, считая его наиболее своевременным, подчеркивая, что эти действия не должны вызвать нареканий со стороны других государств. «Ни Европа, ни Америка не интересуются, а, пожалуй, и не знают историю Урянхая» (Государственный архив Иркутской области, далее — ГАИО. Ф. 25, Оп. 11, Д. 26, Л. 11).

Кроме того, в рапорте иркутскому генерал-губернатору Чакиров писал о необходимости стабилизировать положение русских торговцев в крае, предлагал «внедрить торгового агента, уравнивать в положении китайских и русских купцов», открыть таможи, «как для оплаты привозимого товара из Китая, так и для снятия со всего вывозимого из России через Урянхай в Монголию товара, что облегчит доставку чая русскими» (там же: Л. 13). Говоря о вреде китайской торговли, наносящей большой ущерб тувинцам, он вместе с тем оценивал стратегическое значение Тувы: «Урянхай ведь, играя для России большое значение для России в торговом отношении, не менее важную роль играет и в стратегическом отношении, посему, от всех вышеприведенных приемов выигрывает не только русская торговля, но и русское дело на границе с Китаем; ибо Россия в лице оправившегося Урянхая, приобретает и необходимый буфер между Россией и Китаем» (там же: Л. 94).

Мнение усинского пограничного управления совпадало с позицией иркутского генерал-губернатора. Иркутский генерал отмечал, что сложившаяся обстановка в крае, в связи с упразднением полномочий улясутайского цзянь-цзюня «благоприятствует разрешению Урянхайского вопроса в желательном для нас смысле» (там же: Л. 110 (об)).

Воспользовавшись этими обстоятельствами, считал генерал-губернатор, представлялось возможным установить в Туве общий административный надзор под руководством Иркутского генерал-губернаторства, не вмешиваясь во внутреннее управление. По мнению Л. М. Князева, эти меры, преданные в дальнейшем широкой огласке, предупредят обвинения со стороны китайского правительства и других государств в само-



вольном захвате Урянхая (там же: Л. 111).

Итак, представители власти регионального уровня управления считали ликвидацию господства маньчжуров в Туве хорошим стимулом, благоприятствующим проведению активной политики, направленной на отторжение края в пользу России. Однако, во избежание претензий со стороны других держав, они подчеркивали необходимость действовать преимущественно мирными методами, такими, как установление административного надзора, учреждение представительных органов управления и проч.

В свою очередь, в Петербурге осознавали сложность обстановки, сложившейся в Тану-Урянхайском крае после распада Цинской империи. Восьмого ноября 1911 г. состоялось Особое Совецание Совета Министров, посвященное «урянхайскому вопросу». Совет министров, сославшись на документы, найденные в архиве МИД делопроизводителем, действительным статским советником Белокуровым, признал, что российские власти «не в состоянии противостоять китайским притязаниям» (ГАИО. Ф. 25, Оп. 11, Д. 26, Л.148). Кроме того, министры сослались на Чугучагский протокол от 1864 года, согласно которому в Западной части Урянхайского края граница была установлена на юго-западе от перевала Шабин-Дабага, который расположен на 200 верст к северу от хребта Танну-Ола. Тем не менее, на Совецании было признано, что «Урянхайский край является по меньшей мере спорным» (ГАИО. Ф. 25, Оп. 11, Д. 26, Л. 148). Принимая во внимание события в Китае, участники Совецания пришли к следующему выводу: «...Очевидно, каков бы ни был исход охватившего Срединную империю революционного движения, во всяком случае, Китай выйдет из современного кризиса ослабленным и едва ли способным вести в ближайшем времени наступательную политику на своих окраинах. Таким образом, устраняется опасность того, что Китайские власти станут принимать меры к усилению колонизации Урянхайского края... а тем более к вытеснению из названного края русского элемента (там же).

По этой причине Совет Министров принял решение воздерживаться от активных выступлений в отношении региона, т. к. они могли бы быть сочтены за меры к захвату Урянхайского края (там же: Л.152). «Создание в Урянхайском крае... русского поселения явится для нас твердою опорой для защиты проживающих там русских подданных и для постепенного склонения нашей политики на путь протектората, а в более далеком будущем, может стать, и прямого присоединения Урянхайского края». (там же: 154). Наиболее целесообразным способом закрепления Тувы за Рос-



сией министры признали земельную колонизацию. Она, по их мнению, имела важное значение и в стратегическом плане, поскольку «создание оплота из русского населения обеспечило бы безопасность кругобайкальской железной дороги со стороны предместий Китая» (там же: 14–15). В рамках колонизационной политики предполагалось заселить Урянхай значительным контингентом русских; тувинцам планировалось оставить до 50 десятин на человека, при расчете на 400000 душ поселенцев.

Совет Министров полагал, что заселение края русскими не должно носить «характер исключительного привлечения правительством переселенцев в Урянхай», поскольку это могло возбудить подозрения со стороны китайских властей. Помощь правительства, по мнению Совета, должна выражаться в «обеспечении культурной обстановки, облегчающей им тяжелую жизнь пионеров в отдаленной окраине» (там же: Л.153). Таким образом, на Совещании было принято решение продолжать осторожную политику по укреплению позиций в Туве России. Российское правительство по-прежнему опасалось вступать в конфликт с Китаем. В Петербурге делали ставку на то, что после революции Китай не будет проводить активную окраинную политику, в том числе, и Урянхайском крае. Поэтому был предложен план по дальнейшему укреплению и хозяйственному освоению края. Кроме того, планировалось направить казачью сотню в край, а в будущем — сформировать Особую Усинскую команду (Лайдып, 2002: 85).

Николай II утвердил резолюцию Совета Министров, согласившись как с ее обоснованием, так и с программой. Его мнение изменилось, когда в конце февраля 1912 г. русский поверенный в Пекине М. С. Щекин в депеше от 28 января 1911 г. высказался в пользу занятия Урянхайского края, мотивируя эту меру «несомненностью юридических прав на указанный край, а с другой стороны — наличием подходящей для того политической обстановки» (здесь имеется ввиду свержение Цинской династии. — В. В.) (Всеподданнейший доклад министра иностранных дел, 1926: 96).

Однако министр иностранных дел С. Д. Сазонов высказался против соображений М. С. Щекина. Министр считал, что материалы Московского архива являются неоспоримым доказательством того, что Россия на Урянхайский край прав не имеет. Документы подтвердили, что граница по Саянскому хребту установлена в 1727 году русскими и китайскими комиссарами при подписании Буринского договора; «то же подтверждается составленной после разграничения, под наблюдением графа Саввы Владиславича (Рагузинского), пограничной картой (там же: 96–97). «Таким образом, — писал С. Д. Сазонов, — приходится признать, что юридических



прав на Урянхайский край Россия не имеет, и побудительной причиной для занятия наших земель между Саянами и хребтом Танну-Ола могла бы быть лишь необходимость этой меры с точки зрения наших там интересов. Однако мне неизвестно, чтобы в этих местностях произошли такие события, которые требовали бы от нас защиты военной силой находящихся в Урянхайском крае русских подданных и отказом от программы, намеченной советом министров...» (там же). Министр иностранных дел признал несостоятельность выводов М. Щекина, равно как и полковника В. Попова о «неоспоримой принадлежности края» России. Он считал, что единственной причиной, по которой следовало бы аннексировать Туву, были интересы русских промышленников в крае, хотя это не являлось, по мнению министра, веским мотивом для введения на территорию края русских войск.

Резолюция, которую наложил Николай II на доклад Сазонова, была следующей: «Я, напротив, совершенно согласен с мнением поверенного в делах в Пекине. Со времени обсуждения вопроса в Урянхайском крае прошло более трех месяцев, в Китае произошли крупные перемены, нам необходимо более активно заняться разрешением этого дела, иначе мы нигде вдоль китайской границы не добьемся пользы для себя» (там же: 110).

Таким образом, резолюция Николая Второго по «Урянхайскому вопросу» знаменовала собой смещение политики центрального правительства, от постепенного и осторожного занятия края «явочным порядком» к активной политике, направленной в сторону присоединения Урянхия к России, ответственность за проведение которой должны была быть возложена на региональных представителей власти.

Указание царя — аннексировать край — министерство иностранных дел не выполнило. Перед министерством иностранных дел стояла новая дипломатическая задача — участие российской дипломатии в переговорах с Китаем по «монгольскому вопросу».

Окраинная политика маньчжуров, не отвечающая интересам монгольской элиты, предопределила принятие решения последней об отделении Северной Монголии от Китая и объявления независимости. Как уже говорилось выше, в начале XX в., для упрочения своих позиций, Цинское правительство стало проводить реформы, в том числе, под лозунгом «укрепления границ» — на национальных окраинах страны — в Монголии и Тибете. Инициатором проведения активной колонизаторской политики в Монголии стал секретарь императорского кабинета Чжан Цихуай.



Он опасался, что Россия после неудачи в русско-японской войне обратит свой взор на Монголию и попытается мирными средствами «овладеть этой пограничной областью Китая» (РГВИА. Ф. 400, Главный штаб, Оп. 1, Д. 3909, Л. 126).

Чиновник осознавал всю опасность того положения, если бы Монголия, «являющаяся ныне таким прекрасным буфером... вдруг бы отошла под власть России» (там же). Поэтому, по его мнению, Китай должен спешить с принятием таких мер, которые могли бы обезопасить Монголию от агрессивных замыслов сильного соседнего государства» (Белов, 2001: 121).

В 1902–1910 гг. происходит интенсивная колонизация ханьцами земель Внутренней Монголии. Особенно сильной колонизации подвергся Чжеримский сейм. В период с 1902 по 1911 гг. на территорию Внутренней Монголии переселилось сотни тысяч китайцев.

Что касается Халхи, то там маньчжуры предполагали проводить такую же политику, что и во Внутренней Монголии. В Северной Монголии планировалось провести колонизацию земель жителями Поднебесной, создать новые войска из китайцев и монголов, изменить систему управления, поставить во главе аймаков и хошунов китайских чиновников. В результате проведенных мероприятий, Халха должна была стать обычной китайской провинцией. В 1906 г. правительство Цинской династии обратилось к иностранным государствам с заявлением, в котором говорилось о запрете заключения какого-либо договора с Монголией, монгольским князьям запрещалось брать деньги в долг у мирового сообщества. Вместе с тем, долг Внешней Монголии перед Китаем составлял около 11 млн лян серебром. В 1910 г. в Ургу был назначен новый амбань из маньчжурских чиновников Сань До. Им было учреждено бюро по колонизации халхаских земель ханьцами. Одновременно полковником Танг Цзайли стали заменяться монгольские караулы китайскими на границе с Россией. Все эти меры вызвали опасение среди китайской элиты потерять свою власть и быть ассимилированными маньчжурами.

С началом проведения политики Цинами колонизации «внутренних окраин» и последующим провозглашением в Китае новых принципов государственного устройства, перед населением Халхи, как и Внутренней Монголии, встала серьезная угроза быть ассимилированными китайцами. Еще до начала Синьхайской революции, летом 1911 г. было организовано тайное совещание под председательством Чжебцзун-дамба-хутухты, на котором было принято решение об отделении Монголии от Китая при



поддержке России. В Петербург была тайно направлена делегация во главе с князем Ханда-Доржи. Члены делегации обратились с просьбой к российскому правительству оказать дипломатическую и военную помощь в обретении независимости от Китая.

17 октября состоялось Особое совещание Совета министров под председательством П. А. Столыпина. Оно признало «задуманные Китаем преобразования в Монголии» противоречащими интересам России и решило поддержать действия монголов. Совещание сформулировало основные направления политики царского правительства в отношении Монголии: правительство не принимает на себя «обязательства силою оружия отстаивать задуманное монголами Халхи отложение от Китая», но должно выступить посредником между Монголией и Китаем и поддержать «дипломатическим путем стремление монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их сюзеренами — императорами Дайцинской династии» (там же: 128). Совещание решило без промедления увеличить конвой российского консульства в Урге и обещало оказать помощь халхасцам оружием. Вместе с тем, в Петербурге считали неприемлемым военное вмешательство во внутренние дела стабильного и надежного партнера, каковым традиционно считалась Цинская империя.

Антикитайское движение в Халхе было временно приостановлено, так как амбань Сань До узнал о поездке князей в Петербург и категорически запретил им сноситься с российским консульством. Начавшаяся в Китае революция дала монголам возможность освободиться от власти Пекина. При содействии российской дипломатии (в частности И. Я. Коростовца), 15 ноября специальным комитетом монгольских князей была организована осада Урги. Тридцатого ноября князьями было выдвинуто требование Сань До, чтобы цинские чиновники во главе с ним покинули Монголию. Первого декабря в Урге было обнародовано воззвание к монголам, в котором говорилось: «Мы, монголы, искони составляли особую народность, теперь... надлежит установить свое национальное независимое от других, новое государство» (АВПРИ. Ф. 143, Китайский стол, Д. 136, Л. 47). В декларации ничего не говорилось о территориях, населенных тувинцами или другими народами. После провозглашения независимости Монголии внимание Монгольского правительства было сосредоточено на таких областях, как Барга, Внутренняя Монголия, и Кобдосский округ. Однако после того как правителем Монголии стал глава монгольской ламаистской церкви — Чжэбцзун-дамба-хутухта, халхасская элита стала пропагандировать идею создания «Великой Монголии», в состав



которой входили бы Внешняя, Внутренняя Монголия, Урянхайский край и Кобдосский округ. Петербург был против создания Великой Монголии: ведь на деле это означало бы объединение Халхи с Внутренней Монголией, которая, согласно секретному соглашению с Россией, являлась сферой влияния Японии. В целом, царское правительство не одобряло провозглашение независимости Монголии, так как оно выступало за широкую автономию Внешней Монголии в составе Китая.

Несмотря на противоречия, существующие между Ургой и Петербургом по вопросу о независимости Монголии, Россия все же оказывала последнюю поддержку в борьбе за национальное самоопределение, которая выражалась в дипломатической, военной и финансовой помощи. Переговоры между Россией и Китаем велись по монгольскому вопросу более полугодом. По мнению российской дипломатии, он должен был решиться на следующих условиях: Китай не должен вводить свои войска в Халху, колонизовать монгольские земли, должен предоставить непосредственное управление Халхой самим монголам. Однако китайское правительство отвергло эти требования, и переговоры зашли в тупик. После этого российское правительство стало проводить переговоры с Ургой, о статусе Внешней Монголии, в результате которых 3 ноября 1912 г. было подписано русско-монгольское соглашение на условиях, предложенных Россией. Россия гарантировала поддержку автономии Монголии. Через год, в ноябре 1913 г. была принята русско-китайская декларация, по которой Петербург признавал сюзеренитет Китая над Внешней Монголией, а Китай признавал широкую автономию Внешней Монголии.

Договор 1912 г. между Россией и Автономной Монголией точно не определял ту территорию, на которой, с помощью России, «сохранялся установленный Монголией автономный строй», не решал также вопроса об Тану-Урянхае. Поэтому монголы, основываясь на том, что некоторые хошуны тувинцев были в даннических отношениях с халхасскими князьями, и, стремясь провести под державой Богдо-гегена объединение не только всех монгольских племен, но и племен, населяющих пространство бывшей империи Чингисхана, считали, что Урянхай входит в состав Монголии. В июле 1912 г. С. Д. Сазонов поставил перед царским правительством вопрос о необходимости заключения с Ургой русско-монгольского соглашения. В своей записке председателю Совета министров В. Н. Кокцову, он, излагая содержание этого будущего соглашения, очертил те территории, которые должны войти в состав Халхи. Министр предлагал территории Внутренней Монголии, Барги и Урянхайского края вывести



за пределы Халхи, в ее границы Западную Монголию — Кобдосский и Алтайский округа (Белов, 2001: 209).

В 1912 г. вместе с колониальной администрацией Цинов были ликвидированы монгольские караулы и уртелы к югу от Тану-Ола. Осталась лишь линия пограничных знаков от оз. Хубсугул до Шабин-Дабага на Западных Саянах и оттуда — до Бугусуга на юго-западной оконечности перевала Танну-Ола. Поэтому, в связи с провозглашением независимого монгольского государства, Тува оказалась изолированной от Китая. С другой стороны, Внешняя Монголия в лице двух западных халхасских аймаков имела по прежним маньчжурским законам юридические права на хемчикские хошуны Даа и Бэйсэ. Необходимо отметить, что территориально-административное устройство, аналогичное халхинскому, культурная и религиозная общность являлись объективными факторами, указывающими на однозначность политического выбора Монголии в качестве страны-покровителя, фактически, для всех хошунов.

Однако накануне объявления независимости Монголии политическая обстановка в Урянхае складывалась таким образом, что группа восточных хошунов Урянхая во главе с Амбын-нойоном Гомбодоржи (Комбудоржу. — ред.) тяготилась китайским игом и симпатизировала России. Западные хошуны, напротив, не испытывали стеснений со стороны маньчжурской власти. Последнее обстоятельство объяснялось тем, что Буян-Бадыргы испытывал постоянно давление со стороны китайских торговцев, которые напоминали ему о финансовой поддержке, оказанной ими отцу — Хайдубу (Хайдыпу. — ред.), когда тот вышел из-под власти амбаньнона. Стремление нойонов ряда хошунов перейти в покровительство России, объясняется следующими обстоятельствами: традиционно сложившимися тесными экономическими связями восточных районов Тувы (Тейсингольского, Тоджинского) с Россией, преобладающей доле русского торгового капитала, существованием преемственности русской культуры и образа жизни и, наконец, отсутствием мощной группировки, как в Кемчикском районе, противостоящей развитию русского влияния (Иерусалимский, Вебер, 1931: 326).

После объявления независимости Монголией, Усинское пограничное начальство в первое время пребывало в растерянности, не получая от вышестоящего руководства инструкций. Так, Усинский пограничный начальник писал иркутскому генерал-губернатору следующее: «Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что не получал никаких инструкций и приказаний, как вести себя с Урянхами в виду последних со-



бытий в Монголии и Китае, действия мои парализованы совершенно, что идет во вред и русскому делу в Урянхае» (Государственный архив Иркутской области, далее — ГАИО. Ф. 25, Канцелярия, Оп. 11, Д. 26, Л. 115).

Однако вскоре он в рапорте сообщал о том, что большинство урянхов при обсуждении вопроса чье подданство — России или Монголии — выбрать, предпочтение отдают первой, опасаясь перспектив стать монгольскими подданными: несения воинской службы, круговой поруки, повышения податей и проч. А. Х. Чакиров сообщал также и о падении авторитета глав хошунов: «Простые смертные урянхи чиновников своих почти не признают, дисциплина пала и всю надежду возлагают только на меня. Советов простых избегают, и ждут только того, что скажет Чакиров. Не проходит и дня, чтоб не приехало ко мне в Усинское два, три чиновника за советом....» (там же: Л. 137). Принимая во внимание тот факт, что «для занятия Урянхайского края наступил как никогда, удобный момент», усинский пограничный начальник предложил иркутскому генерал-губернатору провести ряд радикальных мер: «Допустить образование самостоятельного княжеств на русской территории, хотя бы и бывших подданных Китая недопустимо, следовательно, остается только одно:... занять границу по южному склону хребта Тану-Ола и ввести свое самоуправление, оставив временно их самоуправление под контролем нашим и.. ввести наши законы подсудности...» (там же: Л. 137 (об), Л. 138).

Вероятно, Л. М. Князев не одобрил плана А. Х. Чакирова, поскольку в беседе с правителем Оюннарского хошуна, усинский начальник изменил свое мнение о принятии урянхов в Российское подданство: «Все вопросы Джанги сводились, как им быть, что им делать, — писал он в рапорте иркутскому генерал-губернатору. — На все вопросы я отвечал, что нужно поступить так, как им выгоднее, и удобнее, но что Россия не особенно нуждается в новых подданных, притом же бедных, голодных. У Белого царя и так много заботы о своих подданных, и что сейчас приходится говорить лишь об Урянхае, так как земля эта русская. Сумеете упросить Великого нашего государя принять Вас в свое подданство — ваше счастье, нет, присоединяйтесь к Монголии, с которой вы связаны религией» (там же).

Как видно из отрывка, Усинский пограничный начальник в беседе с тувинским чиновником заявил о том, что территория края принадлежит России, хотя на ней проживает население, не находящееся на данный момент в подданстве какого-либо государства. Вместе с тем, российское правительство, не делая прямого предложения тувинцам принять подданство Российской империи, старалось не ослаблять своего влияния на восточные



районы Тувы. Так, во время одной из поездок усинского пограничного начальника, амбын-нойону Гомбодоржи был пожалован орден Станислава второй степени, что истолковывалось урянхами «как акт присоединения Амбань-нойона с его хошунами в русское подданство» (там же: Л. 112).

Однако присоединение края к Российской империи было невозможным на тот момент, поскольку общий внешнеполитический курс России был направлен в сторону Запада. Так, в 1912 г. Министерство иностранных дел в России выступило против территориальных захватов на Дальнем Востоке и в Азии. С. Д. Сазонов на выступлении в Государственной Думе в апреле 1912 г. заявил следующее: «Не надо забывать, господа, что Россия — держава европейская, что государственность наша сложилась на берегах Днепра и Москвы реки... увеличение русских владений в Азии не может составлять цели нашей политики; это повело бы к нежелательной сдвижке центра тяжести в государстве, и, следовательно, к ослаблению нашего положения в Европе и на Ближнем Востоке» (Григорцевич, 1965: 371).

Прекращение существования Цинской империи и последующее объявление Монголией независимости оказали сильное воздействие на тувинцев. В январе 1912 г. китайские купцы были изгнаны из Тувы (ГАИО, Ф. 25, Канцелярия, Оп. 11, Д. 26, Л. 91; АВПРИ, Ф. 143, Китайский стол, Оп. 491, Д. 617; Оп. 461, Д. 3109; Дацышен, Ондар, 2003: 23–26).

Характерно, что китайцы при разграблении их фирм искали защиту у русских поселенцев. Иркутский генерал-губернатор сообщал в Петербург Министру Иностранных дел С. Д. Сазонову: «Ограбленные китайцы прибыли в с. Усинское под защиту нашего пограничного начальника. Последнему предложили оказывать таковую защиту, всемерно удерживая урянхов от насильственных действий» (ГАИО, Ф. 25, Канцелярия, Оп. 11, Д. 26, Л. 115).

В телеграмме от 20 января 1912 г. 21 января Л. М. Князев сообщал А. Х. Чакирову, что принятие китайцев под защиту «соответствует видам правительства», а также предостерегал Пограничного начальника от самостоятельных действий в области политики» (там же: Л. 127). Консул в Улясутае В. Долбежев телеграфировал иркутскому генерал-губернатору просьбу китайского купеческого общества оказать помощь китайским торговцам в Урянхае. «Поэтому, — отмечал иркутский генерал-губернатор в телеграмме в МИД от 22 февраля 1912 г. — распространение русской власти (на) Урянхайскую территорию необходимо не только для защиты русских интересов, но и китайских» (там же: Л. 165). Ограбление демора-



лизовало некоторых китайцев, которые, опасаясь событий в Китае и Монголии, были готовы перейти в русское подданство. Однако, по мнению Чакирова, это было продиктовано лишь страхом за свое будущее.

Русские власти не стали вмешиваться в тувинско-китайский конфликт, но оказали содействие китайским купцам в деле их эвакуации. В феврале 1912 г. Л. М. Князев дал разрешение на выдачу китайцам удостоверений для проезда через русскую территорию (ГАИО. Ф. 25, Канцелярия, Оп. 11, Д. 19, Л. 130). Окончательное присутствие китайцев было ликвидировано 15 августа (там же: Л. 203).

После изгнания купцов и обретения свободы, тувинцам следовало решить проблему выбора страны-покровителя — России или Монголии. Государственное строительство было возможно только при поддержке извне. Это прекрасно осознавала тувинская элита.

Вскоре от имени правительства Богдо-гегена, в Урянхайский край было отправлено воззвание, в котором тану-тувинцам предлагалось принять монгольское подданство (ГАИО, Ф. 25, Канцелярия, Оп. 11, Д. 26, Л. 115 (об)). Российское правительство такой бумаги тувинцам не отправило. Однако группа хошунов, возглавляемая амбын-нойоном Гомбодоржи, по-прежнему ориентировалась на Россию. В январе 1912 г. амбын-нойон созвал съезд тувинских чиновников для обсуждения вопроса о присоединении края либо к России, либо к Монголии. На съезде было принято решение объявить Тану-Урянхай независимым, но находящимся под покровительством России. Через Усинского пограничного начальника на имя Николая II было отправлено прошение о покровительстве и защите. Помимо этого, тувинцы, во избежание преследований со стороны китайцев, просили «по возможности скорее занять своими войсками по своему усмотрению заселенные пункты среди урянхов, а для охраны выставить... пикеты по границе (Дубровский, 1994: 9). Однако в это время российское правительство вело переговоры с Китаем по монгольскому вопросу, и, во избежание их осложнений, вновь не сочло нужным устанавливать с Тувой официальных отношений. В инструкции пограничному начальнику генерал-губернатор объяснял, что отправка тувинской делегации, в связи с осложнением ситуации на Дальнем Востоке, нецелесообразна, так как «все возбужденные вопросы будут решены вне зависимости от отношения к ним урянхов» (История Тувы, 2001: 311). Следуя указаниям иркутского генерал-губернатора, пограничный начальник не пропустил направляющуюся в Петербург тувинскую делегацию дальше с. Усинского.



Итак, в первой половине 1912 г. российское правительство не стремилось форсировать события, приближающие решение «урянской проблемы» в свою пользу, по всей видимости, считая, что объективных причин к этому недостаточно.

В то же время, отсутствие конкретного решения в кругах высшего руководства Империи в вопросе присоединения Тану-Урянхай привело к тому, что хошуны, испытывающие симпатии к России, стали тяготеть к Монголии. В связи с этим, между нойонами и официальным правителем Тувы — амбын-нойоном, стали возникать конфликты. Так, в конце января 1912 г. А.Х. Чакиров телеграфировал в Иркутск об осложнении обстановки в крае: «Кемчик противится подчинению Амбаню, готов перейти самостоятельно в подданство России. Наличие войск необходимо» (ГАИО, Ф. 25, Канцелярия, Оп. 11, Д. 17, Л. 134)

Замечу еще раз, что конфликт между двумя главными представителями института власти в Туве — амбын-нойона Гомбодоржи и гуна (великого князя) Буян-Бадыргы был обусловлен, прежде всего, полярной политической ориентацией обоих руководителей — если первый был сторонником России, то второй подчеркивал свою тесную связь с Китаем. А. Х. Чакиров в своем отчете генерал-губернатору сообщал также о пребывании с 1 по 10 января 1912 г. в Усинском пограничном управлении четырех чиновников разных хошунов и сумо (Ойнарского, Мерина, Сальджакского, Байгаринского, джадо сумо). Целью их приезда было «узнать положение вещей, узнать о приеме их в русское подданство, последовало ли объявление о присоединении урянхов в русское подданство; как им быть, что им нужно делать и т. д.» (там же). Однако, следуя инструкциям вышестоящего руководства, Чакиров не дал исчерпывающих ответов на вопросы прибывших.

Неопределенность политики российского руководства и политическое противостояние в Тану-Урянхайском крае привели к тому, что в начале апреля 1912 года нойоны Сальчжакского и Тоджинского хошунов, Бальджинмаа и Тонмит, обратились с прошением о приеме их в один из аймаков Халхи и переходе в подданство ургинского богдо-гегена (АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, Оп. 491, Д. 617, Л. 297).

Нойоны Салчакского и Тоджинского хошунов жаловались Богдо-гегену на действия амбын-нойона Гомбодоржи, который хотел принять подданство России и угрожал чиновникам выселением из кочевий, если они последуют его примеру: «Он предупредил нас, что если мы не после-



дую за ним, то, недолго думая, он совместно с русскими разграбит и выселит нас всех из кочевий... Подведомственные нам урянхи в количестве 8 сумонов (по четыре в каждом хошуне), обсудив все обстоятельства дела, решили отделиться, войти в состав цзасактуханского аймака и перейти в подданство Богдо-гегена» (там же: Л. 297). Основным мотивом стремления элиты Тоджинского и Салчакского хошунов перейти в подданство Халхи, была религиозная общность. Кроме того, в прошении нойоны указывали на давнюю связь тувинских хошунов с Халхой, существующую до вторжения маньчжуров. В дальнейшем, руководство других хошунов, в просьбе принять их в монгольское подданство, будут считать эти два обстоятельства приоритетными. Такое же ходатайство было отправлено Ургинскому правительству.

По словам и. о. консула в Улясутае А. П. Хионина, Чжалханиза геген, за неимением полномочий и «особой важности» возникшего вопроса, счел нужным не вмешиваться в это дело (там же: Л. 297–298). В депеше от 18 мая 1912 г. В. А. Хионин доносил в Петербург: «Хутухтинское правительство, по-видимому, считает совершенно достаточным ограничиться челобитной урянхайцев, не разбирая вопроса по существу, и находит вполне своевременным фактически присоединить часть урянхайской земли к Монголии. С этой целью туда и предписывается командировать монгольских чиновников и солдат под видом водворения в крае спокойствия и защиты населения от предполагаемых враждебных выступлений со стороны Ойнарского амбана Гомбодорчжи. После удовлетворения Сальджакского и Тоджинского хошунов должно последовать... и юридическое закрепление урянхайской территории» (там же: Л. 298). Исполняющий обязанности председателя сейма Цзасактуханского аймака, князь Гокчундамба, выступающий в роли посредника в переговорах Монголии и России по «урянхайскому вопросу», передал заявление российского правительства о том, что «монголы не могут считать себя ответственными за действия лиц (имеется ввиду прошение тувинских нойонов — В. В.) страны, в состав Монголии не входящей...» (АВПРИ. Ф. 143, Китайский стол, Оп. 491, Д. 617, Л. 309).

В связи с этим, Гокчундамба предложил не торопиться с принятием тувинцев в подданство Халхи. Монгольское правительство не согласилось с заявлением Гокчундамбы — отложить присоединение Тоджинского и Сальджакского хошунов. Однако, учитывая конфликт Амбана с угердами этих хошунов, Ургинское правительство решило не сообщать о ходатайстве Богдо-гегену до тех пор, пока не установит в крае порядок. С этой



целью, Гокчундамбе было предписано в ставки Бальджиямы и Догмита отправить «способных чиновников и солдат» (там же: Л. 305).

Князь, оказавшись в затруднительном положении, обратился к В. А. Хионину за советом. Тот предложил князю донести в Ургу, что «посылка монгольских административных лиц и войск в край, в состав Халхи не входящий, едва ли представляется целесообразной, так как может привести к недоразумениям и даже вызвать нежелательные для монголов последствия» (там же). В связи с этим российское консульство предложило Гокчундамбе воздержаться от немедленного исполнения приказа, во избежание могущих произойти в Урянхае недоразумений. Управляющий консульством в Улясутае писал уполномоченному посланнику в Пекине: «Настороженность Ургинского Правительства подтверждается предположением о серьезных замыслах монголов присоединения Урянхайского края Монголии. Постараюсь убедить князя в необходимости предварительного письменного обмена мыслей с Чжалханизой и председателем сейма, чтобы затянуть дело» (там же). Далее В. А. Хионин заявил Гокчундамбе, что Россия «имеет на Урянхайский край неоспоримые права» (там же). После предупреждения Хионина монгольские власти не решились послать войска в Туву. Этот момент выявил существующие расхождения между Ургой и Петербургом по «урянхайскому вопросу».

Сложившаяся ситуация вынудила Гомбодоржи обратиться к Ургинскому хутухте с просьбой принять подведомственные ему хошуны в состав Монголии. Его действия объяснялись изменением политической обстановки, утратой позиций лидера, а в конечном итоге, распадом сложившейся русофильской группировки. Однако Хутухта, боясь осложнения отношений между Монголией и Россией, отказался принять хошун Амбаня (Оюннарский) в состав Монголии. Дипломатический представитель российского правительства в Урге И. Я. Коростовец сообщал в Петербург, что Гомбодоржи, возможно, «будет продолжать склоняться в сторону Халхи и даже влиять в этом смысле на подчиненное его власти население. Встречая поддержку в лице эmissаров Урги, не отказавшейся от мысли присоединить урянхайцев». Коростовец советовал С. Д. Сазонову попытаться отвлечь Гомбодоржи на сторону России, «обещав ему содействие к укреплению его власти тем или иным способом» (АВПРИ. Ф. 137, Китайский стол, Оп. 491, Д. 3109, Л. 64). Таким образом, политический ориентир амбань-нойона Гомбодоржи тоже пошатнулся в сторону Монголии. Твердо придерживалась русской ориентации только небольшая часть чиновников, преимущественно из Иргит-сумона, во главе с Агваном, кото-



рый еще летом 1912 г. неоднократно ездил в с. Усинское к царским пограничным властям, чтобы добиться ускорения решения вопроса о русском протекторате (там же). Но поездки Агвана были безрезультатны, так как пограничные власти не реагировали на них, руководствуясь распоряжениями свыше. Хошуны Даа и Бэйсэ также обратились с просьбой о принятии их в подданство Халхасского хутухты. Несмотря на существующие разногласия между Ургой и Петребургом, желание нойнов Салчакского и Тоджинского хошунов, было удовлетворено. Указанные районы были предписаны к отоку Джалханиза-хутухты в Дасактуханском аймаке. Один из хэмчикских хошунов Бэйсэ, на основании своей прежней административной подчиненности Сайн-нойнханскому аймаку, был вновь включен в его состав (Шурхуу, 1999: 99).

Российское правительство в свою очередь вынуждено было предпринять ряд мер, предупреждающих присоединение Урянхая к Халхе. Отчасти, активность действий как региональных, так и центральных властей стимулировала активность русского купечества в Урянхайском крае. Так, в докладной записке усинских купцов, адресованной Начальнику Усинского пограничного округа, говорилось о том, как революционные события в Китае и провозглашение независимости Монголии оказали серьезное влияние на тувинцев, и далее русские купцы заявляли: «изменение в положении вещей должно быть нами использовано в интересах расширения русской торговли, и более простого внедрения русского торгового капитала в эту страну. Запрещение китайцам производства, торговли, несомненно, будет иметь временный характер; через год, через два китайские фирмы вновь здесь водворятся. В виду этого следует торопиться использовать остающееся в нашем распоряжении время» (ГАИО. Ф. 25, Канцелярия, Оп. 11, Д. 19, Л. 45).

В августе 1912 г. было организовано специальное заседание межведомственной комиссии, образованной при Министерстве внутренних дел России для выработки мер по укреплению российского влияния в Урянхайском крае. На нем отмечалось, что «урянхайские правители, будучи не в силах установить какой-либо порядок в крае, ищут помощи у России и Монголии...; положение в Урянхае создалось крайне острое и неопределенное, каковое обстоятельство может существенно подорвать не только русский престиж, но и отразиться на целостности имущества и на безопасности жизни русских подданных. Поэтому необходимо принять самые экстренные меры для предупреждения анархии в крае и невыгодных России последствий» (История Тувы, 2001: 355–356).



И. Я. Коростовец телеграфировал из Урги 29 октября 1912 г.: «Монголы вновь возбуждают урянхайский вопрос, ссылаясь на ходатайство некоторых хошунов Тану-урянхайского края о присоединении к Халхе. Я ответил министрам, что территория к северу от хребта Тану-Ола являлась спорной между нами и Китаем еще до объявления независимости Монголии...., что монголы сами настаивали на сохранении без изменений границ своей территории, что, наконец, страна эта уже принята под наше покровительство» (ГАИО. Ф. 25, Канцелярия, Оп. 11, Д. 37, Л. 127).

Таким образом, дипломат, по-видимому, ссылаясь на письменное прошение амбань-нойона, заявил правительству Хутухты о принятии Урянхайского края под протекторат России — за два года до юридического оформления этого акта. Далее И. Я. Коростовец отмечал: «Постоянные просьбы Тану-урянхайских хошунов о принятии их в подданство Халхи, с которыми их связывает даже общность религии и духовного главы, доказывает, что край этот на самостоятельное правление совершенно не способен. Не видя с нашей стороны никаких мер к установлению в стране после отложения ее от Китая прочного порядка, урянхайцы ищут покровительства Халхи» (АВПРИ. Ф. 143, Оп. 491, Д. 3112, Л. 179). Для прекращения «неуместного» спора с Ургинским правительством по этому вопросу, Коростовец просит Императорское правительство установить «более определенную точку зрения на Урянхайский вопрос», для того, чтобы дать ему возможность высказаться перед монголами в категорическом смысле» (там же).

В ответной телеграмме от 31 октября 1912 года С. Д. Сазонов сообщил И. Я. Коростовцу, чтобы тот, ссылаясь на русско-монгольскую декларацию от 22 октября относительно территориального обмена данных российской стороной Монголии гарантий, заявил Ургинскому правительству о том, что Урянхайский край не входит во владения хутухты: «Вы могли при этом дать понять монголам, что их посягательства на Урянхайский край, географически составляющий продолжение нашего Усинского округа и имеющий значительное, быстро возрастающее за последние годы, русское население, тем менее оправдываются, что самое сохранение автономного существования монгольского народа возможно только благодаря даваемой вами ему поддержкой» (там же: Л. 179-180). Таким образом, российское правительство понимало важность для Монголии создания автономной государственности, и решило использовать этот факт при присоединении Тувы. В это же время китайский парламент выразил свою позицию в «урянхайском вопросе», приняв в мае 1912 г. декларацию



о принадлежности Урянхайского края Западной Монголии, которая в тот период находилась под властью Цинского Китая.

Заявление китайского правительства означало, по всей видимости, игнорирование права тувинской нации на самоопределение. Более того, эта претензия выразила стремление республиканского правительства восстановить прежнюю юрисдикцию Тувы в рамках Цинской империи. В официальной ноте российской дипломатической миссией было заявлено о спорности прав Китая на территорию Урянхайского края (ГАРФ. Ф. 102, Департамент полиции внутренних дел, Оп. 1, Д. 494, Л. 74).

В 1912 г. Россия активно выступала против введения китайских войск в Кобдосский округ и стала оказывать военно-техническую помощь Монголии. В Ургу был введен Верхнейдинский казачий полк, который выделил 72 казака при двух офицерах для занятия Улясутая. В феврале 1913 г. находящийся в Улясутае и Урге полк был переведен в Кобдо, а в Ургу должны были быть переброшены один батальон пехоты и казачья полусотня на двух орудиях и четырех пулеметах. Примечательно, что на стороне Халхи сражалось 300 тувинцев (Белов, 1995: 59). Кобдо был взят монгольскими войсками 20 августа 1912 г. С отвоеванием Кобдо, правительство Хутухты, вместе с тем, не отказывалось от идей создания «Великой Монголии», в состав которой вошел бы и Урянхай. С этой целью оно посылало в край эмиссаров-агитаторов. Дипломатический агент и Генеральный консул в Монголии, А. Миллер обратился в Монгольское министерство иностранных дел с нотой от 12 сентября 1913 г. В ноте консул заявил, что «Урянхайский край от Саянского хребта до гор Тану-Ола был спорной территорией между Россией и Китаем», поэтому он потребовал прекратить посылку туда монгольских эмиссаров, пригрозив, что в противном случае они будут насильно высылаться оттуда (ГАРФ. Ф. 102, Департамент полиции внутренних дел. Оп. 1, Д. 494, Л. 40). Кроме этого, Миллер обратился с просьбой отпустить служащих в монгольских войсках в Кобдо урянхов, проживающих в северной части от хребта Тану-Ола (АВПРИ. Ф. 143, Китайский стол, Д. 3109, Л. 95).

Таким образом, несмотря на то, что Россия оказывала военную и финансовую поддержку Халхе при завоевании и последующем присвоении Кобдо, она не хотела допускать участия тувинцев в боях. Кроме того, заявление российского дипломатического агента выразило позицию российского правительства по «урянхайскому вопросу»: удерживая край в поле зрения своих интересов, переходить к реализации процесса его включения в состав Российской империи.



Итак, Синьхайская революция и объявление Монголией независимости существенно подорвали позиции Пекина в Туве и лишили китайское правительство возможности вмешиваться в политические события края. С прекращением существования Цинской династии была ликвидирована юридическая зависимость тувинских хошунов от Китая. В этот период разногласия, существующие между органами центральной и местной власти, нашли свое проявление в вопросе о способах присоединения края: если главы региональных ведомств выступали за проведение активной политики, заключающейся в привлечении в край вооруженных формирований, учреждении российского торгового и земельного представительств и проч., то высшее руководство выступало за поэтапное освоение региона, где главная роль отводилась колонизационному движению. Вместе с тем, как центральные органы власти, так и региональные сходились во мнении, что проведение военных действий в крае исключено, ввиду возможного столкновения с другими державами. В связи с этим, на Совещании Совета министров от 8 ноября 1912 г. было принято решение оказывать поддержку русским колонистам лишь в форме укрепления социальных институтов: строительстве образовательных, культурных, лечебных заведений и проч. Осторожная позиция по «урянхайскому вопросу», выраженная на Совещании, не совпадала с взглядами Николая II, который выступал за активные действия в крае. Однако данная мера была невозможна, ввиду проведения переговоров России с Китаем по «монгольскому вопросу».

В конце 1912 г. дипломатическим представителем в Урге было заявлено о переходе Урянхайского края под покровительство России. Примечательно, что этот факт не упоминался ранее исследователями проблемы. Данное заявление, а также протест, выраженный российским руководством против присоединения тану-урянхайских хошунов Халхе свидетельствуют о смене позиции российского правительства в «урянхайском вопросе»: от тактики выжидания, оно перешло к активным действиям, конечной целью которых было принятие края под покровительство России.

*Список литературы:*

Белов, Е. А. (2001) Краткая история Синьхайской революции. М. : Восточная литература.

Белов, Е. А. (1995) Проблема Урянхайского края в русско-китайско-монгольских отношениях 1911–1914 гг. // Восток. № 1. С. 58–67.

Бомбужай, А. К.-О. (1998) Россия и Тува: проблема становления связей в конце XIX — начале XX вв. : дисс. ... канд. ист. наук. М.

Всепопданнейший доклад министра иностранных дел (1926) // Красный архив .



М.: Государственное издательство. № XVIII (5)

Дацышен, В. Г. Ондар, Г. А. (2003) Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл : Республиканская типография.

Дубровский, В. А. (1994) Установление покровительства над Тувой в 1914 г. Кызыл : Республиканская типография.

Лайдып, А. (2002) Метаморфозы Урянхайской политики Российского правительства в конце XIX — начале XX вв. // Историки размышляют : сб. статей. М. : Звездапад. Вып. 3.

Григорцевич, С. С. (1965) Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск : Изд-во Томского университета.

История Тувы (2001). 2-е изд., перераб и доп. Новосибирск : Наука. Т. 1.

Ерусалимский, А. С., Вебер, Б. Г. (1931) Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. Сер. 3, Т. IV (28 июня — 27 июля 1914 г.). М.-Л. : Гос. соц. экон. изд.

Романов, Г. И., Ращупкин, Ю. М. (2003) Урянхайский край в военной политике России (конец XIX — начало XX вв) // Этносоциальные процессы в Сибири : тематический сборник. Новосибирск : Изд-во СО РАН.

Шурхуу, Д. (1999) Монголо-тувинские отношения, позиция России : автореф. дисс. ... к. ист. н. Уланбаатар.

*Дата поступления: 20.08.2013 г.*

## TANNU-URIANKHAI DURING 1911-1912 AND THE NASCENCE OF A THREE-SIDED RIVALRY

**V. A. Vasilenko**

**Abstract:** Article is composed of one of the paragraphs of “On the way to protectorate (from the second half of 19th to 1914)” (LAP Lambert Academic Publishing, 2013). It analyzes the actions by the Russian Government while settling the “Uriankh issue” after 1911 – a watershed in political history of Tuva, Mongolia and China.

**Keywords:** source studies, Tuva, Uriankhai, territorial dispute, diplomacy, Khalkh, Mongolia, Xinhai Revolution.